

В.Т. Шаламов¹

Из цикла «Очерки преступного мира»

Женщина блатного мира.....	1
Сергей Есенин и воровской мир.....	2

Женщина блатного мира

<...>

В моральном кодексе блатаря, как в Коране, декларировано презрение к женщине. Женщина — существо презренное, низшее, достойное побоев, недостойное жалости. Это относится в равной степени ко всем женщинам — любая представительница другого, не блатного мира презирается блатарем. Изнасилование «хором» — не такая редкая вещь на приисках Крайнего Севера. Начальники перевозят их жен в сопровождении охраны; женщина одна не ходит и не ездит вовсе никуда. Маленькие дети охраняются подобным же образом: растление малолетних девочек — всегдашняя мечта любого блатаря. Эта мечта не всегда остается только мечтой.

В презрении к женщине блатарь воспитывается с самых юных лет. Проститутку-подругу он бьет настолько часто, что та перестает, говорят, чувствовать любовь во всей ее полноте, если почему-либо она не получит очередных побоев. Садистские наклонности воспитываются самой этикой блатного мира.

Никакого товарищеского, дружеского чувства к «бабе» блатарь не должен иметь. Не должен он иметь и жалости к предмету своих подземных увеселений. Никакой справедливости в отношении к женщине своего же мира быть не может — женский вопрос вынесен за ворота этической «зоны» блатарей.

Но есть одно-единственное исключение из этого мрачного правила. Есть одна-единственная женщина, которая не только ограждена от покушений на ее честь, но которая поставлена высоко на пьедестал. Женщина, которая поэтизирована блатным миром, женщина, которая стала предметом лирики блатарей, героиней уголовного фольклора многих поколений.

Эта женщина — мать вора.

Воображению блатаря рисуется злой и враждебный мир, окружающий его со всех сторон. И в этом мире, населенном его врагами, есть только одна светлая фигура, достойная чистой любви, и уважения, и поклонения. Это — мать.

Култ матери при злом презрении к женщине вообще — вот этическая формула уголовщины в женском вопросе, высказанная с особой тюремной сентиментальностью. О тюремной сентиментальности написано много пустого. В действительности — это сентиментальность убийцы, поливающего грядку с розами кровью своих жертв. Сентиментальность человека, перевязывающего рану какой-нибудь птичке и способного через час эту птичку живую разорвать собственными руками, ибо зрелище смерти живого существа — лучшее зрелище для блатаря.

Надо знать истинное лицо авторов култа матери, култа, оваянного поэтической дымкой.

¹ Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982) — русский писатель. В 1929–1932, 1937–1953 по политическим статьям находился в лагерях и ссылках, в том числе 5 лет на Колыме. «Колымские рассказы» (1954–1973) — книга воспоминаний о лагерях.

С той же самой безудержностью и театральностью, которая заставляет блатаря «расписываться» ножом на трупе убитого ренегата, или насиловать женщину публично среди бела дня, на глазах у всех, или растлевать трехлетнюю девочку, или заражать сифилисом мужчину «Зойку» — с той же самой экспрессией блатарь поэтизирует образ матери, обоготворяет ее, делает ее предметом тончайшей тюремной лирики — и обязывает всех выказывать ей всяческое заочное уважение.

На первый взгляд, чувство вора к матери — как бы единственное человеческое, что сохранилось в его уродливых, искаженных чувствах. Блатарь — всегда якобы почти-тительный сын, всякие грубые разговоры о любой чужой матери пресекаются в блатном мире. Мать — некий высокий идеал — в то же время нечто совершенно реальное, что есть у каждого. Мать, которая все простит, которая всегда пожалеет.

«Чтобы жить могли, работала мамаша. А я тихонько начал воровать. Ты будешь вор, такой, как твой папаша, — твердила мне, роняя слезы, мать».

Так поется в одной из классических песен уголовщины «Судьба».

Понимая, что во всей бурной и короткой жизни вора только мать останется с ним до конца, вор щадит ее в своем цинизме.

Но и это единственное якобы светлое чувство лживо, как все движения души блатаря.

Прославление матери — камуфляж, восхваление ее — средство обмана и лишь в лучшем случае более или менее яркое выражение тюремной сентиментальности.

И в этом возвышенном, казалось бы, чувстве вор лжет с начала и до конца, как в каждом своем суждении. Никто из воров никогда не послал своей матери ни копейки денег, даже по-своему не помог ей, пропивая, прогуливая украденные тысячи рублей.

В этом чувстве к матери нет ничего, кроме притворства и театральной лживости.

Культ матери — это своеобразная дымовая завеса, прикрывающая неприглядный воровской мир.

Культ матери, не перенесенный на жену и на женщину вообще — фальшь и ложь.

Отношение к женщине — лакмусовая бумажка всякой этики.

Заметим здесь же, что именно культ матери, сосуществующий с циничным презрением к женщине, сделал Есенина еще три десятилетия назад столь популярным автором в уголовном мире. <...>

Сергей Есенин и воровской мир

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.
Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Этап, который шел на север по уральским деревням, был этапом из книжек — так все было похоже на читанное раньше — у Короленко, у Толстого, у Фигнер, у Морозова... Была весна двадцать девятого года.

Пьяные конвоиры с безумными глазами, раздающие подзатыльники и оплеухи, и поминутно — щелканье затворами винтовок. Сектант-федоровец, проклинающий «драконов»; свежая солома на земляном полу сараев этапных изб; таинственные татуированные люди в инженерских фуражках, бесконечные поверки, переключки, счет, счет, счет...

Последняя ночь перед пешим этапом — ночь спасения. И, глядя на лица товарищей, те, которые знали есенинские стихи, а в 1929 году таких было немало, подивились исчерпывающе точным словам поэта:

И кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.

Рты у всех были именно голубыми, а лица — черными. Рты у всех кривились — от боли, от многочисленных кровотокающих трещин на губах.

Однажды, когда идти почему-то было легче, или перегон был короче, чем другие — настолько, что все засветло расположились на ночевку, отдохнули,— в углу, где лежали воры, послышалось негромкое пение, скорее, речитатив с самодельной мелодией:

— Ты меня не любишь, не жалеешь...

Вор допел романс, собравши много слушателей, и важно сказал:

— Запрещенное.

— Это — Есенин, — сказал кто-то.

— Пусть будет Есенин, — сказал певец.

Уже в это время — всего через три года после смерти поэта — популярность его в блатных кругах была очень велика.

Это был единственный поэт, «принятый» и «освященный» блатными, которые вовсе не жалуют стихов.

Позднее блатные сделали его «классиком» — отзываться о нем с уважением стало хорошим тоном среди воров.

С такими стихотворениями, как «Сыпь, гармоника», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут» — знаком каждый грамотный блатарь. «Письмо матери» известно очень хорошо. «Персидские мотивы», поэмы, ранние стихи — вовсе неизвестны.

Чем же Есенин близок душе блатаря?

Прежде всего откровенная симпатия к блатному миру проходит через все стихи Есенина. Неоднократно высказанная прямо и ясно. Мы хорошо помним:

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор,
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Блатари эти строки тоже хорошо помнят. Так же, как и более раннее (1915) «В том краю, где желтая крапива» и многие, многие другие стихотворения.

Но дело не только в прямых высказываниях. Дело не только в строках «Черного человека», где Есенин дает себе чисто блатарскую самооценку:

Был человек тот — авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.

Настроение, отношение, тон целого ряда стихотворений Есенина близки блатному миру.

Какие же родственные нотки слышат блатари в есенинской поэзии?

Прежде всего это нотки тоски, все, вызывающее жалость, все, что роднится с «тюремной сентиментальностью».

И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Стихи о собаке, о лисице, о коровах и лошадях — понимаются блатарями, как слово человека, жестокого к человеку и нежного к животным.

Блатари могут приласкать собаку и тут же ее разорвать живую на куски — у них моральных барьеров нет, а любознательность их велика, особенно в вопросе «выживет или не выживет»? Начав еще в детстве с наблюдений над оборванными крыльями пойманной бабочки и птичкой с выколотыми глазами, блатарь, повзрослев, выкалывает глаза человеку из того же чистого интереса, что и в детстве.

И за стихами Есенина о животных им чудится родственная им душа. Они не воспринимают этих стихов с трагической серьезностью. Им это кажется ловкой рифмованной декларацией.

Нотки вызова, протеста, обреченности — все эти элементы есенинской поэзии чутко воспринимаются блатарями. Им не нужны какие-нибудь «Кобыльи корабли» или «Пантократор». Блатари — реалисты. В стихах Есенина они многого не понимают и непонятное — отвергают. Наиболее же простые стихи цикла «Москвы кабацкой» воспринимаются ими как ощущение, синхронное их душе, их подземному быту с проститутками, с мрачными подпольными кутежами.

Пьянство, кутежи, воспевание разврата — все это находит отклик в воровской душе.

Они проходят мимо есенинской пейзажной лирики, мимо стихов о России — все это ни капли не интересуется блатарей.

В стихах же, которые им известны и по-своему дороги, они делают смелые купюры — так, в стихах «Сыпь, гармоника» отрезана блатарскими ножницами последняя строфа из-за слов:

Дорогая, я плачу,
Прости. Прости.

Матерщина, вмонтированная Есениным в стихи, вызывает всегдашнее восхищение. Еще бы! Ведь речь любого блатаря уснащена самой сложной, самой многоэтажной, самой совершенной матерной руганью — это — лексикон, быт.

И вот перед ними поэт, который не забывает эту «важную для них» сторону дела.

Поэтизация хулиганства тоже способствует популярности Есенина среди воров, хотя, казалось бы, с этой стороны он в воровской среде не должен был иметь сочувствия. Ведь воры стремятся в глазах фраеров резко отделить себя от хулиганов, они и в самом деле — явление вовсе иное, чем хулиганы, — неизмеримо опаснее. Однако в глазах «простого человека» хулиган еще страшнее вора.

Есенинское хулиганство, прославленное стихами, воспринимается ворами, как происшествие их «шалмана», их подземной гулянки, бесшабашного и мрачного кутежа.

Я такой же, как вы, пропащий.
Мне теперь не уйти назад.

Каждое стихотворение «Москвы кабацкой» имеет нотки, отзывающиеся в душе блатаря; что им до глубокой человечности, до светлой лирики существа есенинских стихов.

Им нужно достать оттуда иные, созвучные им строчки. А эти строчки есть, тон этот, обиженного на мир, оскорбленного миром человека — есть у Есенина.

Есть и еще одна сторона есенинской поэзии, которая сближает его с понятиями, царящими в блатарском мире, с кодексом этого мира.

Дело идет об отношении к женщине. К женщине блатарь относится с презрением, считая ее низшим существом. Женщина не заслуживает ничего лучшего, кроме издевательств, грубых шуток, побоев.

Блатарь вовсе не думает о детях; в его морали нет таких обязательств, нет понятий, связывающих его с «потомками».

Кем будет его дочь? Проституткой? Воровкой? Кем будет его сын — блатарю решительно все равно. Да разве по «закону» не обязан вор уступить свою подружку более «авторитетному» товарищу?

Но я детей по свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому.

И здесь нравственные принципы поэта вполне соответствуют тем правилам и вкусам, которые освящены воровскими традициями, бытом.

Пей, выдра, пей!

Есенинские стихи о пьяных проститутках блатные знают наизусть и давно взяли их «на вооружение». Точно так же «Есть одна хорошая песня у соловушки» и «Ты меня не любишь, не жалеешь» с самодельной мелодией включены в золотой фонд уголовного «фольклора», так же, как:

Не храпи, запоздалая тройка.
Наша жизнь пронеслась без следа,
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

«Больничная» койка воровскими певцами заменяется «тюремной».

Культ матери, наряду с грубо циничным и презрительным отношением к женщине-жене — характерная примета воровского быта.

И в этом отношении поэзия Есенина чрезвычайно тонко воспроизводит понятия блатного мира.

Мать для блатаря — предмет сентиментального умиления, его «святая святых». Это — тоже входит в правила хорошего поведения вора, в его «духовные» традиции. Совмещаясь с хамством к женщине вообще, слащаво-сентиментальное отношение к матери выглядит фальшивым и лживым. Однако культ матери — официальная идеология блатарей.

Первое «Письмо к матери» («Ты жива еще, моя старушка») знает буквально каждый блатарь. Этот стих — блатная «Птичка божия».

Да и все другие есенинские стихотворения о матери, хоть и не могут сравниться в популярности своей с «Письмом», все же известны и одобрены.

Настроения поэзии Есенина в некоторой своей части с удивительно угаданной верностью совпадают с понятиями блатного мира. Именно этим и объясняется большая, особая популярность поэта среди воров.

Стремясь как-то подчеркнуть свою близость к Есенину, как-то демонстрировать всему миру свою связь со стихами поэта, блатари, со свойственной им театральностью, татуируют свои тела цитатами из Есенина. Наиболее популярные строки, встречавшиеся у весьма многих молодых блатарей, посреди разных сексуальных картинок, карт и кладбищенских надгробий:

Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок.

Или:

Коль гореть, так уж гореть, сгорая,
Кто сгорел, того не подожжешь.

Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

Думается, что ни одного поэта мира не пропагандировали еще подобным образом.

Этой своеобразной чести удостоился только Есенин, «признанный» блатным миром.

Признание — это процесс. От беглой заинтересованности при первом знакомстве до включения стихов Есенина в обязательную «библиотеку молодого блатаря» с одобрения всех главарей подземного мира прошло два-три десятка лет. Это были те самые годы, когда Есенин не издавался или издавался мало («Москва кабацкая» и до сих пор не издается). Тем больше доверия и интереса вызывал поэт у блатарей.

Блатной мир не любит стихов. Поэзии нечего делать в этом мрачном мире. Есенин — исключение. Примечательно, что его биография, его самоубийство — вовсе не играли никакой роли в его успехе здесь.

Самоубийств профессиональные уголовники не знают, процент самоубийств среди них равен нулю. Трагическую смерть Есенина наиболее грамотные воры объясняли тем, что поэт все-таки не был полностью вором, был вроде «порчака», «порченого фраера» — от которого, дескать, можно всего ждать.

Но, конечно, — и это скажет каждый блатарь грамотный и неграмотный — в Есенине была «капля жульнической крови».